

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

по делу № 2011-21-01

Рига, 6 июня 2012 года

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе:
председатель судебного заседания Гунарс Кутрис, судьи Каспарс Балодис,
Айя Бранта, Кристине Крума, Улдис Кинис и Санита Осипова,

в связи с заявлением о возбуждении дела, поданным Департаментом
по административным делам Сената Верховного суда Латвийской
Республики,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и
пункта 1 статьи 16, пункта 9 части первой статьи 17, а также статей 19¹ и
28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе на судебном заседании 15 мая 2012 года
рассмотрел дело

«О соответствии части второй статьи 8 Закона о возмещении
причиненного учреждениями государственного управления ущерба
третьему предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Сазэйма (Парламент Латвийской Республики, далее – Сазэйма) 2
июня 2005 года приняла Закон о возмещении причиненного учреждениями
государственного управления ущерба (далее – Закон о возмещении). Часть
вторая статьи 8 этого закона предусматривает, что юридическое лицо

(коммерсант) имеет право на возмещение только того личного ущерба, который был причинен его деловой репутации, коммерческой тайне и авторским правам (далее – оспариваемая норма).

2. Департамент по административным делам Сената Верховного суда (далее – Заявитель или Сенат) при рассмотрении дела № SKA-771/2011, возбужденного по заявлению товарищества Daugavas vanagi Latvijā (далее – товарищество Daugavas Vanagi) об отмене решения исполнительного директора города Риги № RD-11-803-nd от 8 марта 2011 года (далее – решение от 8 марта), принял решение обратиться в Конституционный суд. В заявлении содержится просьба оценить соответствие оспариваемой нормы статье 92 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция).

2.1. В заявлении указаны следующие фактические обстоятельства дела: исполнительный директор города Риги решением от 8 марта запретил товариществу Daugavas Vanagi устроить шествие 16 марта 2011 года. 11 марта 2011 года Административным районным судом было получено заявление товарищества Daugavas Vanagi. В нем была изложена просьба отменить решение от 8 марта, обязать принести письменные извинения товариществу Daugavas Vanagi, опубликовать извинения в изданиях Diena, Neatkarīgā, Latvijas Avīze, «Телеграф», «Час» и «Вести сегодня», а также возместить личный ущерб в размере 5000 латов и моральный ущерб в размере 5000 латов.

Решением Административного районного суда от 15 марта 2011 года по делу № A420458811 (A04588-11/23) заявление товарищества Daugavas Vanagi было удовлетворено частично: решение от 8 марта было отменено, но в остальной части заявление было отклонено. Суд заключил, что товарищество является юридическим лицом и не может требовать компенсации морального ущерба. Запрет же на проведение шествия не затрагивает деловую репутацию, коммерческую тайну и авторские права товарищества. Таким образом, основание для применения оспариваемой нормы отсутствует.

В отношении решения Административного суда от 15 марта 2011 года в части, в которой заявление отклонено, товарищество Daugavas Vanagi подало кассационную жалобу. В ней указано, что возмещение

требуется в связи с тем, что уже третий год подряд Рижская дума запрещает проводить шествие 16 марта и его организация становится возможной единственно посредством обращения в административный суд. Присуждение возмещения заставило бы Рижскую думу в дальнейшем более тщательно взвешивать вопрос разрешения или запрещения шествия.

2.2. Заявитель указывает, что третье предложение статьи 92 Конституции предусматривает право каждого лица на соответствующее возмещение в случае необоснованного ущемления прав. Эта норма содержит в себе общую гарантию: если государство нарушило права частного лица, частное лицо имеет право на возмещение. Право лица на возмещение в рамках административного процесса в общем предусмотрено статьей 92 Административно-процессуального закона (далее – АПЗ), согласно которой каждое лицо имеет право требовать соответствующего возмещения материальных убытков или личного – также морального – ущерба, причиненного этому лицу посредством административного акта или фактических действий со стороны учреждения. В свою очередь, более детальное регулирование в отношении присуждения возмещения в административном процессе содержится в Законе о возмещении.

Законодатель в оспариваемой норме упомянул только три случая, в которых юридическое лицо может претендовать на возмещение причиненного ему нематериального ущерба, – если ущерб нанесен репутации этого лица, его коммерческой тайне или авторским правам. Перечень этих случаев носит исчерпывающий, а не только иллюстрирующий характер. Таким образом, чтобы юридическое лицо имело право на возмещение нематериального ущерба, необходимо констатировать какой-либо из упомянутых в оспариваемой норме случаев.

Такое правовое регулирование необоснованно ограничивает право лица на получение возмещения за ущемление его прав. Оспариваемая норма, вопреки третьему предложению статьи 92 Конституции, не позволяет судам оценивать конкретные обстоятельства дела. Суды не могут взвесить, имеет ли место необоснованное ущемление, создающее право лица на соответствующее (справедливое) возмещение. В рассматриваемом деле административный суд также лишен возможности оценить конкретные обстоятельства, чтобы выяснить, следует ли назначить товариществу

Daugavas Vanagi возмещение.

Ссылаясь на несколько решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Заявитель указывает, что юридическое лицо имеет право получить возмещение за причиненный ему нематериальный ущерб. По мнению Заявителя, также и третье предложение статьи 92 Конституции следует интерпретировать таким образом, что юридические лица имеют право на получение возмещения личного ущерба. Однако оспариваемая норма лишает юридическое лицо такого права, поскольку суд должен учитывать содержащееся в оспариваемой норме детальное регулирование, которое предусматривает возмещение за конкретное ущемление.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Саэйма – не согласен с аргументами Заявителя и просит Конституционный суд признать оспариваемую норму соответствующей Конституции.

В письменном ответе указано, что прежде всего необходимо выяснить, в равной ли мере третье предложение статьи 92 Конституции относится к физическому лицу и юридическому лицу – субъекту частного права. Основные права, содержащиеся в главе 8 Конституции, в том числе в третьем предложении статьи 92 Конституции, прежде всего относятся к физическим лицам. На это указывает также подобранное законодателем название главы 8 Конституции – «Основные права человека».

Однако в отдельных случаях субъектом определенных в Конституции основных прав может являться также юридическое лицо частного права. Определенные в Конституции права, свободы и обязанности лиц следует относить также к юридическим лицам – субъектам частного права, в той мере, в какой эти права, свободы и обязанности в соответствии с их сутью применимы к юридическим лицам.

Система Закона о возмещении свидетельствует о том, что законодатель детально оценил, в какой мере к юридическому лицу – субъекту частного права можно отнести право на соответствующее возмещение. Законодатель также, ясно выражая свою волю, четко отразил эти соображения в правовых нормах. Например, согласно статье 9 Закона о возмещении, моральный ущерб может нести только физическое лицо, так

как для констатации этого ущерба оцениваются страдания физического лица.

Материалы о подготовке оспариваемой нормы свидетельствуют о том, что законодатель тщательно взвесил все случаи, в которых личный ущерб может понести юридическое лицо – субъект частного права. Других случаев законодатель идентифицировать не смог. Например, при сравнении случаев, указанных в части первой статьи 8 Закона о возмещении и в оспариваемой норме, ясно, что невозможно нанести ущерб «жизни, физической целостности, здоровью, свободе, чести и достоинству, личной и семейной тайне» юридического лица. В литературе по административному праву также принимается позиция, что обязанность государства по возмещению личного ущерба юридическим лицам – субъектам частного права может быть более узкой.

Из заявления косвенно вытекает желание достигнуть того, чтобы основной функцией возмещения стало наказание учреждения или превенция. Имеется в виду желание при помощи достаточно крупных сумм возмещения удержать учреждение от подобных нарушений основных прав в будущем. Саэйма сомневается в том, что изменение функции возмещения, то есть замещение функции реституции или компенсации функцией наказания или превенции, соответствует основополагающим принципам латвийской правовой системы. Включение в правовые акты новой функции возмещения может произойти только на основании политико-правового выбора законодателя, так как решение такого вопроса прежде всего находится в компетенции законодателя.

Дополняя мнение, изложенное в письменном ответе, Саэйма указывает, что включение открытого перечня в оспариваемую норму, возможно, создало бы уверенность в более широкой защите прав юридического лица – субъекта частного права. Однако, если невозможно указать какие-либо другие правовые интересы или права, которые не содержатся в оспариваемой норме и в отношении которых может быть назначено возмещение в случае нанесения им ущерба, такой открытый перечень следовало бы считать декларативным.

4. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики

(далее – Омбудсмен) – считает, что оспариваемая норма противоречит статье 92 Конституции. Она ограничивает право юридических лиц на получение возмещения личного ущерба, поскольку исчерпывающим образом определяет случаи, в которых такое возмещение допустимо. По мнению Омбудсмана, содержащийся в оспариваемой норме перечень неполон, так как могут затрагиваться и другие интересы юридического лица.

Юридическими лицами – субъектами частного права являются не только коммерсанты, но и товарищества. Включенный в оспариваемую норму круг подлежащих защите интересов в основном является существенным именно для коммерсантов. Для товариществ же более существенной является защита от возможного ущемления других прав, например, права на свободу слова или свободу собраний.

Часть первая статьи 8 Закона о возмещении, в которой определено, что именно в понимании этого закона считается личным ущербом применительно к физическим лицам, содержит намного более широкий перечень подлежащих защите интересов. Кроме того, упомянутая норма, определяя право требовать возмещения, среди прочего, ущерба, нанесенного «другим нематериальным правам или защищаемым законом интересам», не содержит исчерпывающего списка этих прав и интересов.

Из третьего предложения статьи 92 Конституции вытекает, что лицо в случае необоснованного ущемления его прав может получить соответствующее возмещение. Статья 92 Конституции не предусматривает, что в таких случаях право на возмещение имеют только физические лица. Однако оспариваемая норма сильно сужает право юридических лиц требовать возмещение нематериального ущерба, и такое ограничение прав не имеет обоснования.

Не подлежит сомнению то, что возможны отдельные виды нематериального ущерба, в случае которых юридическое лицо никогда не могло бы требовать возмещения, например, смерть или ущерб здоровью лица. Однако посредством неправомерного административного акта или неправомерных фактических действий со стороны учреждения нематериальный ущерб юридическому лицу может быть нанесен в других случаях, то есть тех, что не упомянуты в оспариваемой норме. Кроме того,

юридическое лицо – субъект частного права даже не может потребовать от учреждения письменного или публичного извинения, если не затронуты интересы, указанные в оспариваемой норме.

Первоочередная цель справедливого возмещения действительно состоит в реституции или компенсации, однако возмещение, несомненно, должно быть направлено также на удержание правонарушителя от совершения подобных нарушений в будущем. Конкретное дело, по мнению Омбудсмана, является наглядным примером того, что самоуправление по причине отсутствия эффективного механизма защиты прав может систематически ограничивать право на свободу собраний.

В силу вышеупомянутого, Омбудсмен заключил, что оспариваемая норма не только не соответствует статье 92 Конституции, но и ограничивает возможности эффективной реализации других прав.

5. Приглашенное лицо – Министерство юстиции – присоединяется к изложенному в письменном ответе Саэймы мнению, что содержащиеся в 8-й главе Конституции основные права, в том числе право на возмещение, гарантированное статьей 92 Конституции, в основном относятся к физическим лицам. Однако, следуя современному представлению о правах человека, законодатель предусмотрел также случаи, когда право на соответствующее возмещение полагается юридическому лицу.

Суть права на возмещение, закрепленного в статье 92 Конституции, – возмещение лицу ущерба, который у него возникает в результате ущемления его прав или законных интересов. Возмещение невозможно, если ущерб не был причинен. Таким образом, право на возмещение в своей основе формируется двумя элементами: ущемлением прав или законных интересов и причиненным в результате этого ущемления ущербом. Если хотя бы один из этих элементов отсутствует, не существует и право на возмещение в понимании статьи 92 Конституции.

Цель статьи 8 Закона о возмещении – провести различие между двумя самостоятельными субъектами права: юридическим лицом и физическим лицом. Такая необходимость основана на том соображении, что в современном понимании права в рамках отдельных прав человека, например, свободы собраний и объединений или свободы вероисповедания,

взаимодействует несколько субъектов, которые государство должно защищать. Во-первых, таким субъектом является индивидуум, имеющий право личного характера на упомянутые свободы. Во-вторых, это юридическое лицо, которому конкретное право было предоставлено, чтобы оно защищало своих участников (членов). Права упомянутых субъектов иногда взаимно перекрываются и формируют единое целое, однако на практике свободы и права юридических лиц необходимо отделять от прав и свобод частных лиц, поскольку они различны по своей сути.

Ссылаясь на решения ЕСПЧ, Министерство юстиции приходит к выводу, что возмещение юридическому лицу назначается в результате оценки нематериального вреда, нанесенного его учредителям и участникам. Из упомянутых решений, практических указаний председателя ЕСПЧ и правовой доктрины следует, что необходимо различать основную форму возмещения *restitutio in integrum* и карательную и превентивную функцию возмещения.

Если учреждение повторно действует вопреки выводам и заключениям юдикатуры, частное лицо может защитить свои ущемленные основные права в суде в предусмотренном законом порядке. В латвийской правовой системе юдикатура носит аргументационный, а не обязательный характер. С точки зрения защиты правового доверия и обеспечения равенства, для правоприменителя является обязывающей его предыдущая деятельность по выяснению или уточнению содержания правовых норм. Однако юдикатура не наделена обязательной силой, и вывод, сделанный в рамках судебного прецедента, *per se* не создает предписания по разрешению другого дела. Таким образом, частное лицо не имеет права обращаться в суд против учреждения только потому, что это учреждение не соблюдает юдикатуру.

Часть выводов

6. Третье предложение статьи 92 Конституции предусматривает: «В случае необоснованного ущемления прав каждый имеет право на соответствующее возмещение».

Конституционный суд, интерпретируя упомянутую норму, признал, что защита основных прав человека как одна из важнейших гарантий правового государства предполагает обязанность государства обеспечить эффективную защиту каждому лицу, чьи права были нарушены. Эта норма содержит в себе общую гарантию: если государство нарушило права индивидуума, индивидуум имеет право на возмещение.

Как любая норма основных прав человека, правовая норма, содержащаяся в третьем предложении статьи 92 Конституции, применима прямо и непосредственно. Имеется в виду, что для ее конкретизации не требуется какой-либо отдельный закон. Если частное лицо считает, что его права или охраняемые законом интересы были необоснованно ущемлены, оно вправе, напрямую ссылаясь на третье предложение статьи 92 Конституции, обратиться в суд и просить суд о присуждении ему соответствующего возмещения (*см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 5 декабря 2001 года по делу № 2001-07-0103*).

При интерпретации содержащегося в третьем предложении статьи 92 Конституции понятия «соответствующее возмещение» необходимо следить за тем, чтобы охват этого основного права не был необоснованно сужен и отнесен исключительно к сфере материального права или возмещению убытков. Понятие «соответствующее возмещение» прежде всего следует интерпретировать как удовлетворение, соответствующее любому ущемлению прав и охватывающее как возмещение убытков, так и компенсацию нематериального (морального и личного) ущерба.

Таким образом, третье предложение статьи 92 Конституции содержит в себе общую гарантию справедливого суда – если права или охраняемые законом интересы какого-либо лица были ущемлены, лицо имеет право на получение соответствующего возмещения.

7. Суть возражений Заявителя – в том, что оспариваемая норма лишает суд возможности в конкретном случае обеспечить эффективную и справедливую защиту ущемленных основных прав. Таким образом, Конституционному суду необходимо оценить, надлежащим ли образом законодатель, принимая оспариваемую норму, выполнил обязанность, которую возлагают на него содержащиеся в Конституции гарантии справедливого суда.

Конституционный суд признает, что право на справедливый суд является одним из важнейших прав лица (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 6 октября 2003 года по делу № 2003-08-01). Используемое в статье 92 Конституции понятие «справедливый суд» содержит в себе два аспекта, а именно – «справедливый суд» как независимый орган судебной власти, рассматривающий дело, и «справедливый суд» как надлежащий, соответствующий правовому государству процесс, в котором рассматривается дело. В первом аспекте это понятие следует интерпретировать во взаимосвязи с главой 6 Конституции, во втором – в увязке с принципом правового государства, вытекающим из статьи 1 Конституции (см. пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01).

Оба аспекта – как институциональный, который означает, что суд должен быть справедливым, так и процессуальный, который предусматривает, что каждый имеет право на свободный доступ к суду, – неразрывно связаны: в справедливости суда не было бы смысла, если бы не обеспечивалась доступность суда, и наоборот – доступность суда была бы излишней, если бы не обеспечивалась его справедливость (см. пункт 8 решения Конституционного суда от 14 марта 2006 года по делу № 2005-18-01). Таким образом, возможности суда восстановить справедливость в каждом конкретном случае неразрывно связаны с принятой законодателем совокупностью норм процессуального и материального права, в соответствии с которыми разбирается конкретное дело.

Статья 92 Конституции определяет существенную основную обязанность правового государства – создать юридический механизм, при помощи которого каждое лицо, чьи права были неправомерно ущемлены или нарушены, может добиться эффективной защиты своих прав. В свою очередь, третье предложение статьи 92 Конституции конкретизирует определенный аспект права на справедливый суд, предусматривая, что одной из основных задач суда является назначение соответствующего возмещения за необоснованное ущемление прав.

Из Конституции вытекает не только обязанность государства воздержаться от вмешательства в права лица, но и обязанность государства осуществить необходимые для обеспечения этих прав действия

(см., например, часть выводов решения Конституционного суда от 23 сентября 2002 года по делу № 2002-08-01, пункт 10 решения Конституционного суда от 23 апреля 2009 года по делу № 2008-42-01 и пункты 9 и 10 решения Конституционного суда от 7 октября 2009 года по делу № 2009-05-01). Как пример позитивной обязанности законодателя в аспекте статьи 92 Конституции прежде всего следует упомянуть его обязанность принять правовые нормы, необходимые для осуществления справедливого правосудия *(см., например, пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01 и пункт 22.3 решения Конституционного суда от 18 октября 2017 года по делу № 2007-03-01).*

Несмотря на то, что третье предложение статьи 92 Конституции применимо напрямую и непосредственно, принцип правовой определенности возлагает на законодателя обязанность, насколько это возможно, отрегулировать в законе необходимые условия практической реализации этой нормы Конституции. Отсутствие практической реализации прав человека, содержащихся в упомянутой норме Конституции, может поставить под угрозу процессуальные гарантии справедливого суда. В правовом государстве надлежит не только декларировать права, но и обеспечивать их практическую реализацию *(см. пункт 6 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).*

Таким образом, первое предложение статьи 92 Конституции во взаимосвязи с третьим предложением той же статьи возлагает на законодателя позитивную обязанность: разработать и принять регулирование, которое в случае нарушения прав лица позволит осуществлять эффективную правовую защиту.

8. Заявитель указывает, что оспариваемая норма лишает суд возможности назначить соответствующее возмещение юридическому лицу в случае, когда самоуправление неоднократно в схожих ситуациях действует неправомерно: не соблюдает содержащиеся в судебной юдикатуре выводы и заключения и нарушает основные права лица, в данном случае – свободу собраний.

8.1. Чтобы заключить, что у Конституционного суда имеется основание для оценки оспариваемой нормы на предмет соответствия Конституции, прежде всего необходимо выяснить содержание этой нормы.

Грамматический метод интерпретации правовой нормы приводит к заключению, что оспариваемая норма содержит исчерпывающий перечень охраняемых законом интересов, который в случае ущемления этих интересов наделяет юридическое лицо правом на получение компенсации причиненного ему личного вреда. Об этом свидетельствует также используемое в тексте правовой нормы слово «только», которое ограничивает защиту нематериальных прав юридического лица единственно деловой репутацией, коммерческой тайной и авторскими правами.

Однако Конституционный суд уже неоднократно указывал, что грамматический метод интерпретации правовых норм – лишь один из методов интерпретации, и неправильно руководствоваться исключительно словесным смыслом правовой нормы (*см., например, пункт 3 части выводов решения Конституционного суда от 4 февраля 2003 года по делу № 2002-06-01 и пункт 6 решения Конституционного суда от 22 апреля 2005 года о прекращении судопроизводства по делу № 2004-25-03*). Таким образом, для выяснения содержания оспариваемой нормы необходимо использовать также другие методы интерпретации.

8.2. Законопроект «Закон о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба» в Саэйму был подан Кабинетом министров. Часть вторая статьи 9 (личный ущерб) законопроекта предусматривала: «Юридическое лицо имеет право на возмещение только того личного ущерба, который нанесен его чести и достоинству, деловой репутации, коммерческой тайне и авторским правам» (*законопроект «Закон о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба», подан 13 сентября 2004 года, регистрационный номер 931*).

Упомянутый законопроект несколько раз рассматривался на заседаниях Юридической комиссии Саэймы. На заседании 2 февраля 2005 года комиссия выразила согласие с мнением советника министра юстиции по административно-правовым вопросам, что юридическое лицо не может обладать честью и достоинством и обладает только репутацией. Таким

образом, содержащаяся в законопроекте отсылка к ущербу, причиненному чести и достоинству юридического лица, была исключена (*см. протокол № 264 заседания Юридической комиссии 8-й Сазймы Латвийской Республики от 2 февраля 2005 года, стр. 21 и 22 материалов дела*). Существенное дополнение в проект оспариваемых норм было внесено 12 апреля 2005 года, когда Юридическая комиссия согласилась с предложением Юридического бюро Сазймы и дополнила норму словом в скобках «(коммерсант)», следующим за словами «юридическое лицо». Конкретно, консультант Юридического бюро указал на то, что не все коммерсанты являются юридическими лицами, как, например, таковым не является индивидуальный коммерсант (*см. протокол № 286 заседания Юридической комиссии 8-й Сазймы Латвийской Республики от 12 апреля 2005 года, стр. 25 материалов дела*).

Таким образом, оспариваемая норма стала охватывать как всех юридических лиц, так и всех коммерсантов, в том числе не являющихся юридическими лицами, например, индивидуальных коммерсантов (статья 74 Коммерческого закона), полные товарищества (статья 77 Коммерческого закона) и командитные товарищества (статья 118 Коммерческого закона).

Однако из протоколов комиссии невозможно заключить, что дебаты затрагивали вопрос того, из каких соображений законодателю было необходимо включить в оспариваемую норму исчерпывающий перечень подлежащих защите интересов – деловая репутация, коммерческая тайна, авторские права. Не обсуждался этот вопрос и на пленарных заседаниях Сазймы при рассмотрении законопроекта «Закон о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба» в первом, втором и третьем чтениях (*см. стенограммы заседаний 8-й Сазймы Латвийской Республики от 7 октября 2004 года, Latvijas Vēstnesis, 14 октября 2004 года, № 163; от 17 февраля 2005 года, Latvijas Vēstnesis, 14 февраля 2005 года, № 32, и от 2 июня 2005 года, Latvijas Vēstnesis, 9 июня 2005 года, № 91*).

Таким образом, ни в дебатах, зафиксированных в рабочих материалах комиссий Сазймы, ни в дебатах, зафиксированных в стенограммах заседаний Сазймы, нельзя констатировать правовых соображений в отношении того, почему в оспариваемую норму включен именно такой

перечень подлежащих защите интересов и достаточен ли он для защиты прав юридического лица. В течение периода подготовки дела Саэйма также не предоставила информацию о том, обеспечивает ли применение оспариваемой нормы на практике эффективную защиту основных прав юридического лица, и если обеспечивает, то каким образом.

Из вышеприведенного следует, что историческая интерпретация оспариваемой нормы позволяет заключить, что законодатель осознанно включил в нее исчерпывающий перечень защищаемых законом интересов юридического лица.

8.3. Системная интерпретация оспариваемой нормы позволяет сделать вывод, что по своей юридической сути эта норма существенно отличается как от части первой статьи 8 и статьи 9 Закона о возмещении, так и от статьи 92 АПЗ.

Часть первая статьи 8 Закона о возмещении предусматривает, что личным ущербом в понимании этого закона является вред, нанесенный посредством противоправного административного акта или неправомерных фактических действий со стороны учреждения жизни, физической целостности, здоровью, свободе, чести и достоинству, личной и семейной тайне или коммерческой тайне, авторским правам или другим нематериальным правам или защищаемым законом интересам физического лица. В свою очередь, статья 9 Закона о возмещении предусматривает, что моральным ущербом в понимании этого закона является личный ущерб, который проявляется в страданиях физического лица, вызванных существенным неправомерным ущемлением его прав или защищаемых законом интересов. Напротив, статья 92 АПЗ предусматривает, что каждый имеет право требовать соответствующего возмещения материальных убытков или личного ущерба, также морального, причиненного ему административным актом или фактическими действиями учреждения.

В часть первую статьи 8 Закона о возмещении законодатель также включил перечень подлежащих защите интересов, однако здесь перечень не носит исчерпывающий характер, то есть, соответствующее понятие открыто, и правоприменитель в каждом отдельном случае может наполнить его соответствующим содержанием. Об этом свидетельствуют слова нормы «или другим нематериальным правам или защищаемым законом

интересам». В свою очередь, статья 9 Закона о возмещении вообще не приводит перечень нематериальных прав физического лица, которые гипотетически могут быть поставлены под угрозу посредством причинения лицу морального ущерба. Таким образом, наполнение этих интересов содержанием законодатель тоже оставил на усмотрение правоприменителя при индивидуальной оценке каждого конкретного случая.

Напротив, оспариваемая норма предусматривает исчерпывающий перечень тех подлежащих защите интересов, в случае неправомерного ущемления которых юридическое лицо имеет право на компенсацию личного ущерба. Имеется в виду, что оспариваемая норма сконструирована по принципу *numerus clausus*: в ней исчерпывающим образом определены интересы, неправомерное ущемление которых создает обязанность юридического лица – субъекта публичного права компенсировать нематериальный ущерб, причиненный юридическому лицу – субъекту частного права.

Таким образом, оспариваемая норма позволяет суду назначить юридическому лицу компенсацию причиненного ему личного ущерба только в трех случаях: если ущерб нанесен деловой репутации, коммерческой тайне или авторским правам этого лица.

9. Саэйма указывает, что она тщательно взвесила и включила в оспариваемую норму те защищаемые законом интересы, которые существенны для юридического лица и в случае неправомерного ущемления которых у юридического лица возникает право на компенсацию. Саэйма в письменном ответе также указывает, что обязанность государства возместить личный ущерб, причиненный юридическим лицам, может быть уже по сравнению с аналогичной обязанностью государства перед физическими лицами. Имеется в виду то, что содержащиеся в главе 8 Конституции основные права, в том числе те, что содержатся в третьем предложении статьи 92 Конституции, в первую очередь относятся к физическим лицам.

Конституционный суд в своей практике признает, что определенные в Конституции права, свободы и обязанности лиц относимы также к юридическим лицам – субъектам частного права, в той мере, в какой суть

этих прав, свобод и обязанностей позволяет применить их к юридическим лицам. Если это допускается сутью основных прав, свобод и обязанностей, их может реализовывать не только физическое лицо, но и юридическое лицо – субъект частного права (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 3 апреля 2001 года по делу № 2000-07-0409). В контексте такого заключения, например, будет обоснованным считать, что право на компенсацию морального ущерба, в той мере, в какой под ущербом понимаются душевные или физическое страдания, присуще только физическим лицам.

Конституционный суд согласен с Сазьмой в том, что часть содержащихся в Конституции основных прав относима только к физическим лицам, например, право на жизнь, право на свободный выбор места жительства, право предусмотренным законом образом исполнять государственную службу, право на социальное обеспечение в старости, в случае нетрудоспособности или безработицы, право на минимум медицинской помощи и другие права. Таким образом, Конституция не запрещает законодателю провести обоснованные различия между упомянутыми группами лиц, признав за физическим лицом права, не присущие юридическому лицу.

Однако в правоотношениях наряду с физическими лицами участвуют юридические лица, и может случиться, что государственная власть необоснованно ущемит права юридического лица так же, как и права физического лица. Поэтому общее предположение, что защита основных прав юридического лица подлежит реализации в меньшем объеме, может привести к произволу со стороны законодателя и поставить под угрозу всеохватывающее воздействие основных прав.

В процессе интерпретации норм прав человека необходимо учитывать, что тесная связь принципа демократии с основными правами означает, что нужно не ограничивать основные права, а «где только возможно, гарантировать их в как можно более широком объеме, соответственно используя доступные методы интерпретации так, чтобы они обеспечивали достаточно широкое применение содержания правовой нормы» (*Ziemele I. Cilvēktiesību īstenošana Latvijā: tiesa un administratīvais process* [Зиемеле И. Реализация прав человека в Латвии: суд и

административный процесс]. Rīga, Latvijas Universitātes Cilvēktiesību institūts, 1998, стр. 25). Таким образом, государство в публично-правовой сфере отвечает не только за убытки, но и за нематериальный ущерб, причиненный физическому лицу и юридическому лицу.

Обязанность законодателя заботиться об эффективной защите, соблюдении или обеспечении основных прав не может считаться полностью выполненной с принятием или вступлением в силу соответствующего правового регулирования. Законодатель *ex officio* также и после вступления правовых норм в силу должен в пределах возможного следить за тем, чтобы в правоприменительной практике эти нормы действительно эффективно выполняли свою задачу. Если констатируется, что в правоприменительной практике правовые нормы не функционируют, необходимо их усовершенствовать. Конституционный суд уже многократно указывал, что законодатель обязан по истечении определенного срока еще раз взвесить, является ли соответствующее правовое регулирование по-прежнему эффективным, пригодным и необходимым, и не следует ли его каким-либо образом усовершенствовать (см., например, пункт 9.5 решения Конституционного суда от 11 ноября 2005 года по делу № 2005-08-01, пункты 17.3 и 18.8 решения Конституционного суда от 15 июня 2006 года по делу № 2005-13-0106, пункт 26 решения Конституционного суда от 8 июня 2007 года по делу № 2007-01-01 и пункт 18.3 решения Конституционного суда от 2 июня 2008 года по делу № 2007-22-01).

10. В статье 103 Конституции, в которой содержится право на свободу собраний, есть слово «защищает», требующее не только невмешательства государства в реализацию этих прав, но и защиты реализации этих прав. Это значит, что государство обязано обеспечить то, что права лиц будут защищены (см. пункт 34.3 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106). Упомянутое в статье 103 слово «защищает» охватывает большой объем обязанностей законодателя, в который, среди прочего, входит как принятие надлежащего нормативного регулирования, так и эффективный судебный контроль за действиями исполнительной власти по обеспечению свободы собраний.

10.1. Конституционный суд признает, что свобода собраний признается одним из основных прав лица и ценностей демократического общества, что она является существенной предпосылкой функционирования правового государства. Поскольку свобода собраний признана ценностью конституционного ранга, обязанностью государственной власти является обеспечение эффективной реализации этой свободы. Соответствующее право в равной степени защищает как отдельных физических лиц – субъектов частного права, так и отдельных юридических лиц – субъектов частного права.

Свобода собраний является существенным элементом демократического общества, обеспечивающим возможность общества влиять на политические процессы, среди прочего также посредством критики в адрес государственной власти и протеста против действий государства. Реализуя права, предусмотренные статьей 103 Конституции, лица могут совместно обсуждать важные проблемы, выражать поддержку государственной политики или осуждать ее. Свобода собраний обеспечивает лицам возможность доносить свое мнение или взгляды до сведения широкой общественности.

Возможности эффективного использования права на мирлюбивые собрания в соответствии с положением статьи 103 Конституции позволяет членам гражданского общества участвовать в государственной политике и общественных делах. Кроме того, это право, вместе с другими схожими правами, например, свободой слова и свободой прессы, становится инструментом, который частные лица могут использовать для выражения своей неудовлетворенности тем, что не соблюдаются другие основные права лиц, определенные в Конституции (*см. пункты 6 и 7 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106*).

Конституционный суд указывает, что в рассматриваемом деле товарищество и физическое лицо находятся в сравнимых ситуациях. Государственная власть своими необоснованными действиями в равной степени может ущемить права как юридических, так и физических лиц. Имеется в виду, что государственная власть в публичных правоотношениях, например, посредством административного акта или фактических действий учреждения, в равной степени воздействует на обе упомянутые группы лиц.

Как физическое лицо, так и юридическое лицо наделено правом на свободу собраний. Часть первая статьи 3 закона «О собраниях, шествиях и пикетах» также предусматривает, что каждый в соответствии с этим законом имеет право организовывать мирнолюбивые собрания, шествия и пикеты, а также участвовать в них. Используемое в упомянутой норме понятие «каждый» не ограничивается только физическими лицами, а охватывает также юридических лиц – субъектов частного права. Было бы необоснованным считать, что физические лица, с целью более эффективной реализации основных прав объединившиеся в товарищество, имеют меньшую необходимость в процессуальных гарантиях справедливого суда. Таким образом, в случае нарушения у обеих групп лиц возникает необходимость в защите основных прав.

На то, что для товариществ особо важна именно правовая защита от необоснованных ограничений свободы слова и свободы собраний, указывает и Омбудсмен (*см. стр. 122 материалов дела*).

10.2. Закон «О собраниях, шествиях и пикетах» позволяет должностному лицу самоуправления запретить проведение мероприятия в планируемое время не только посредством обоснованного отказа, но и посредством отказа без изложения причин. Конституционный суд уже в 2006 году пришел к выводу, что в Латвии пока еще отсутствует эффективное функционирование взыскания компенсации за ущемление основных прав лица (*см. пункт 24.6 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106*). Таким образом, может иметь место ситуация, в которой самоуправление запрещает устройство нежелательных для него мероприятий, а лица не получают возмещение за нарушение их основных прав.

Следовательно, как физическое лицо, так и юридическое лицо в административном процессе находятся в более слабой правовой позиции по сравнению со второй стороной – юридическим лицом, являющимся субъектом публичного права. Это условие основывается на предположении, что в административном процессе фактические возможности сторон – государства и частного лица – неравны. Государство и частное лицо находятся в неравных положениях, так как государству доступны человеческие ресурсы, а также намного большие материальные ресурсы,

чем частному лицу, и, таким образом, оно имеет структурный перевес в продвижении процесса. Поэтому объективное неравенство сторон должно быть скомпенсировано (см. пункт 8 решения Конституционного суда от 11 июня 2010 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-11-01).

Было бы необоснованным интерпретировать третье предложение статьи 92 Конституции таким образом, что оно в отдельных случаях позволяет полностью освободить субъекта публичного права от обязанности компенсировать причиненный юридическому лицу нематериальный ущерб. В таком случае юридическое лицо – субъект частного права было бы поставлено в существенно худшую правовую ситуацию по сравнению с физическим лицом. Было бы также необоснованным считать, что в рамках исчерпывающего или закрытого перечня законодатель способен предусмотреть все возможные ситуации, в которых может быть причинен ущерб нематериальным правам юридического лица.

Юридическое бюро Сэйтмы в своем заключении от 26 сентября 2007 года по законопроекту «Поправка к Закону о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба» рекомендовало изложить оспариваемую норму в редакции, которая бы предусматривала открытый перечень подлежащих защите интересов. А именно, было предложено изменить оспариваемую норму, предусмотрев, что «в понимании настоящего закона личный ущерб, причиненный юридическому лицу (коммерсанту), – это ущерб, который посредством неправомерного административного акта или фактических действий со стороны учреждения нанесен репутации этого юридического лица, его коммерческой тайне, авторским правам или другим нематериальным правам или защищаемым законом интересам». В обосновании заключения указано: «Принимая во внимание, что часть вторая статьи 8 [Закона о возмещении] предусматривает предоставление юридическому лицу возмещения только за такие виды личного ущерба, как деловая репутация, коммерческая тайна или авторские права, и Конституция, а также Административно-процессуальный закон не предусматривают ограничение обязанности по возмещению в случае личного ущерба, считаем необходимым согласовать правовые нормы этих нормативных актов» [пункт 6 заключения

Юридического бюро Сазймы № 12/17-1-161-(9/07) от 26 сентября 2007 года, стр. 100 материалов дела].

10.3. Конституционный суд уже неоднократно указывал, что целью законодателя не было противопоставление норм, содержащихся в Конституции, нормам международного права (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 30 августа 2000 года по делу № 2000-03-01). Возможность и даже необходимость применять международные нормы при толковании основных прав, содержащихся в Конституции, вытекает, среди прочего, из статьи 89 Конституции, которая предусматривает, что государство признает и защищает основные права человека в соответствии с Конституцией, законами и обязательными для Латвии международными договорами. Как видно из этой статьи, целью законодателя было достигнуть гармонии между содержащимися в Конституции нормами прав человека и нормами международного права (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106).

Определенное в статье 92 Конституции право на справедливый суд также следует интерпретировать в соответствии с обязательными для Латвийской Республики нормами международного права.

Статья 41 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) предусматривает обязанность государства возместить причиненные убытки (ущерб), и эта обязанность относится как к материальному, так и к нематериальному аспекту нарушения. Такая обязанность по возмещению существует в случаях, когда решением ЕСПЧ признается нарушение прав или свобод, гарантированных Конвенцией или ее протоколами. Статья 34 Конвенции предусматривает право каждого лица – как физического, так и юридического – обратиться с заявлением в Европейский Суд по правам человека. Таким образом, предусмотренная статьей 41 Конвенции компенсация может быть назначена как физическим, так и юридическим лицам.

В практике ЕСПЧ решающим критерием назначения компенсации за нематериальный ущерб является не то, физическим или юридическим лицом является пострадавший, а то, были ли определенные в Конвенции права и свободы лица необоснованно ущемлены. ЕСПЧ, констатируя

нарушение содержащейся в статье 11 Конвенции свободы собраний и объединений, неоднократно назначал компенсацию за ущемление нематериальных прав также и юридическим лицам.

Так, например, в деле *Christian Democratic People's Party against Moldova* ЕСПЧ признал нарушение статьи 11 Конвенции в связи с запретом на то, чтобы политическая партия устраивала демонстрацию протеста, и присудил компенсацию нематериального ущерба в размере 3000 евро [см. пункт 3 (a)(i) постановляющей части решения ЕСПЧ от 2 февраля 2010 года по делу *Christian Democratic People's Party against Moldova*, заявление № 25196/04]. В деле *Hyde Park and others against Moldova* ЕСПЧ, констатировав нарушение упомянутой статьи, присудил заявителю – юридическому лицу – возмещение нематериального ущерба в размере 6000 евро [см. пункт 6(a) постановляющей части решения ЕСПЧ от 14 сентября 2010 года по делу *Hyde Park and others against Moldova*, заявления № 6991/08 и № 15084/08]. В свою очередь, в деле *The United Macedonian Organisation Ilinden and Ivanov against Bulgaria* ЕСПЧ констатировал нарушение статьи 11 Конвенции в связи с повторными запретами на устройство митингов и присудил заявителям, в числе которых было юридическое лицо, в связи с причиненными «страданиями и разочарованием», компенсацию нематериального ущерба в размере 9000 евро [см. пункт 3 (a)(i) постановляющей части решения ЕСПЧ от 18 октября 2011 года по делу *The United Macedonian Organisation Ilinden and Ivanov against Bulgaria*, заявление № 37586/04].

Таким образом, третье предложение статьи 92 Конституции наделяет юридическое лицо – товарищество – и физическое лицо равноценным объемом защиты основных прав. Необоснованные или противоправные действия субъекта публичного права, не позволяющие товариществу реализовывать свободу собраний, могут создать нарушение основных прав, приводящее к обязанности по возмещению в соответствии с третьим предложением статьи 92 Конституции.

11. Сэйма считает, что Заявитель желает добиться того, чтобы основной функцией возмещения стало также наказание юридического лица

– субъекта публичного права. То, что изменение функции возмещения, то есть замещение компенсационной функции карательной функцией, соответствовало бы основополагающим принципам латвийской правовой системы, сомнительно. В любом случае, такое изменение функции возмещения было бы результатом политико-правового выбора, который вправе делать только законодатель.

11.1. Конституционный суд указывает, что адекватное возмещение имеет несколько функций – прежде всего функцию компенсации, функцию примирения, а также функцию общей и специальной превенции. Цель упомянутых функций – добиться эффективного восстановления справедливости и защиты основных прав, поскольку третьему предложению статьи 92 Конституции соответствует только такое возмещение, которое одновременно является также эффективным средством правовой защиты (*см. пункт 8 решения Сената от 1 марта 2007 года по делу № SKA-54/2007 и пункт 8 решения Сената от 5 апреля 2011 года по делу № SKA-25/2011, решения доступны на <http://juridika.tiesas.lv>, просмотрены 22 мая 2012 года*).

Содержащийся в третьем предложении статьи 92 Конституции термин «соответствующее возмещение» не следует интерпретировать таким образом, что под ним понимается только денежная выплата. Упомянутый термин обозначает любое справедливое удовлетворение, которое в конкретной правовой ситуации соразмерно ущемлению прав лица. Таким образом, в зависимости, например, от вида или характера нарушения прав, поставленного под угрозу правового интереса, затронутого правового субъекта или тяжести причиненного ущерба «соответствующее возмещение» может выражаться также в нематериальной форме. Омбудсмен обоснованно указывает на то, что, согласно части четвертой статьи 14 Закона о возмещении, возмещением личного ущерба может служить также письменное или публичное принесение извинений учреждением. В свою очередь, оспариваемая норма, за исключением случаев, когда затрагивается деловая репутация юридического лица – субъекта частного права, его коммерческая тайна или авторские права, не наделяет такое юридическое лицо правом требовать от учреждения даже извинений (*см. стр. 123 материалов дела*).

Назначение соответствующего возмещения по сути охватывает все упомянутые функции. То, которую из них в конкретном случае осуществить важнее всего или которой следует отвести наибольшее значение, решает суд с целью как можно более эффективной защиты ущемленных основных прав лица. При назначении возмещения именно суд выражает позицию государства по вопросу значимости ущемленных прав и непосредственно нарушения прав (см. пункт 18 решения Сената от 16 февраля 2016 года по делу № SKA-104/2010, доступно на <http://juridika.tiesas.lv>, просмотрено 22 мая 2012 года).

Часть четвертая статьи 94 АПЗ предусматривает, что субъект публичного права должен исполнить обязанность по возмещению, восстановив положение, существовавшее до причинения ущерба или вреда, или, если это невозможно или возможно лишь частично, или же если это неадекватно, выплатив соответствующее возмещение в денежной форме. Из упомянутого вытекают определяемые законодателем приоритеты в выборе видов возмещения, то есть, в первую очередь восстанавливается положение, существовавшее до причинения ущерба или вреда, и только в случае, если это невозможно или неадекватно, частному лицу выплачивается возмещение в денежной форме. Если прежнее положение пострадавшего лица возможно восстановить, преимущество следует отдавать естественной реституции. Таким образом не только достигается справедливое заглаживание вызванных последствий, но и – что немаловажно – экономятся бюджетные средства субъекта публичного права – государства или самоуправления (см.: *Gredzena I. Valsts atbildība un tās veidi. Zaudējumu atlīdzība administratīvajā procesā [Ответственность государства и ее виды. Возмещение ущерба в административном процессе]. Rīga, Providus, 2004, стр. 46).*

11.2. Можно согласиться также с указанным в письменном ответе Сазймы мнением, что особо важна именно компенсационная функция, которая выполняется с обеспечением пострадавшему удовлетворения, соответствующего виду и характеру нарушения.

Заявитель также указал, что функция компенсации существенна, имея в виду возмещение ущемления как в денежном выражении, так и в других формах, например, *restitutio in integrum*, когда по возможности

восстанавливается существовавшая ранее правовая ситуация, или же, в делах, связанных с применением наказания, соответствующее возмещение выражается в уменьшении наказания (*см. пункт 8 решения Сената от 1 марта 2007 года по делу № SKA-54/2007, доступно на <http://juridika.tiesas.lv>, просмотрено 22 мая 2012 года*).

Суд при рассмотрении конкретного дела, возбужденного на основании заявления, соответствующего процессуальным требованиям, не только вправе, но и обязан взвесить все существенные вопросы, касающиеся назначения справедливого возмещения. Если интересы восстановления справедливости с целью защиты основных прав в конкретном деле требуют также, например, обеспечения превенции, было бы необоснованным ограничивать суд применением соответствующего возмещения исключительно как средства выполнения компенсационной функции. Иными словами, возмещение не только должно принести удовлетворение лицу, чьи права были ущемлены, но и удержать учреждение от совершения подобных ущемлений в будущем (*см. пункт 20 решения Сената от 4 ноября 2008 года по делу № SKA-470/2008 и пункт 18 решения Сената от 16 февраля 2010 года по делу № SKA-104/2010, решения доступны на <http://juridika.tiesas.lv>, просмотрены 22 мая 2012 года*).

И Омбудсмен, и представитель Кабинета министров в международных органах по правам человека также признали, что первичная цель возмещения состоит в реституции или компенсации, однако возмещение, несомненно, должно быть направлено и на удержание правонарушителя от совершения подобных нарушений в дальнейшем. (*см. стр. 123 и 142 материалов дела*). В литературе, посвященной ответственности государства, также признается, что компенсации или возмещению присуща двоякая функция, то есть, возмещение не только служит удовлетворением пострадавшего лица, но и выполняет превентивную функцию – удерживает правонарушителей от совершения подобных нарушений в будущем. Таким образом, обязанность судей – не просто определить сумму, подлежащую выплате в качестве возмещения нематериального ущерба, но и взвесить, как конкретное решение повлияет на дальнейшие действия субъектов правоотношений (*см.: Gredzena, стр. 90*).

11.3. Конституционный суд признал, что одним из главных принципов демократического государства является принцип разделения властей, из которого, в свою очередь, вытекает контроль со стороны судебной власти за правомерностью действий законодателя и исполнительной власти. За пределами контроля со стороны судебной власти не может оставаться ни одно действие исполнительной власти, если оно затрагивает интересы какого-либо лица. Принцип справедливости и правомерности требует того, чтобы результат каждого уголовного, гражданского и административного процесса был правомерным [см., например, пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 9 июля 1999 года по делу 04-03(99), пункт 1.2 части выводов решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03 и пункт 12 решения Конституционного суда от 11 апреля 2007 года по делу № 2006-28-01].

Смысл основной цели АПЗ, содержащейся в пункте 2 статьи 2 этого закона, – подвергнуть действия исполнительной власти, касающиеся конкретных публично-правовых отношений между властью и частным лицом, контролю со стороны независимой, объективной и компетентной судебной власти, – добиться всеохватывающего процессуального и содержательного контроля со стороны судебной власти над всеми действиями государства, относящимися к конкретному лицу. Таким образом, используемые в этом пункте понятия следует понимать в широком смысле, не оставляя «белых пятен», предполагающих неподверженность конкретных действий исполнительной власти по отношению к лицу судебному контролю (см.: *Levits E. Administratīvā procesa likuma 2. panta komentārs. Rakstu krājums administratīvajiem tiesnešiem* [Комментарий к статье 2 Административно-процессуального закона. Сборник статей для административных судей]. Rīga, Publisko tiesību institūts, 2003, стр. 156).

Судебный контроль за решениями исполнительной власти является одним из основополагающих принципов правового государства, вытекающих из идеи разделения государственной власти. Заявление в суд считается наиболее сильным инструментом, при помощи которого индивидуум может контролировать решения исполнительной власти. Задача административных судов – контролировать правомерность и

обоснованность издаваемых учреждениями и их должностными лицами административных актов, относящихся к конкретным лицам, или фактических действий, совершаемых учреждениями и их должностными лицами (см.: *Administratīvais process tiesā. Dr. iur. J. Briedes vispārīgā zinātniskā redakcijā [Административный процесс в суде. Под общей научной редакцией Dr. iur. Я. Бриедэ]. Rīga, Latvijas Vēstnesis, 2008, стр. 21).*

Даже в случаях, когда разрешение какого-либо вопроса зависит от политического выбора законодателя, законодатель не освобождается от обязанности соблюдать определенные в Конституции основные права и общие правовые принципы. В таких случаях законодатель тем более обязан соблюдать принципы правового государства (см. пункт 15 решения Конституционного суда от 18 октября 2007 года по делу № 2007-03-01).

Таким образом, третье предложение статьи 92 Конституции позволяет суду, опираясь на рациональные юридические соображения, разрешать все вопросы, касающиеся назначения соответствующего возмещения. Основанием для таких действий суда является не политико-правовой выбор законодателя, а определенные в Конституции гарантии справедливого суда.

12. В рассматриваемом деле заявление подано Сенатом как высшей судебной инстанцией в административных делах. Конституционный суд признал, что кассационная инстанция выполняет особую функцию, которая также определяет особенности процесса суда этой инстанции. Существенной особенностью института кассации является то, что решающее значение в этой инстанции имеют не интересы сторон, которые достаточно защищены рассмотрением дела по существу в первых двух судебных инстанциях, а публично-правовые интересы. В кассационной инстанции рассматриваются только *quaestiones iuris*, то есть вопросы правильности применения материальных и процессуальных норм. Одна из целей кассационной инстанции – способствовать единообразной интерпретации и применению правовых норм во всем государстве (см. пункт 2.1 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

Обеспечение единообразной судебной практики имеет важное значение с точки зрения права на справедливый суд. Обязанность суда разрешать схожие дела схожим образом, а разные дела – по-разному основана на принципе равенства. Право на справедливый суд гарантируется, если высшая судебная инстанция государства обеспечивает единообразие судебной практики (см. пункт 15.3 решения Конституционного суда от 7 октября 2010 года по делу № 2010-01-01).

Следовательно, Сенат играет существенную роль в интерпретации и применении правовых норм соответствующим Конституции образом.

Статья 19¹ Закона о Конституционном суде позволяет суду общей юрисдикции подать заявление о возбуждении дела в Конституционный суд, если все другие возможности добиться соответствующего Конституции правового исхода, прежде всего – осуществление соответствующей Конституции интерпретации правовой нормы, не дали результата. Соответствующее Конституции применение правовой нормы – это такое ее применение, которое в себе содержит нахождение правильной правовой нормы и ее соответствующую интерпретацию, оценку ее интертемпоральной и иерархической применимости, использование соответствующей юдикатуры, а также дальнейшее правообразование (см. пункт 17 решения Конституционного суда от 4 января 2005 года по делу № 2004-16-01).

Конституционный суд указывает, что именно административным судам, в том числе Сенату, лучше всего известны фактические и юридические обстоятельства конкретного дела, свидетельствующие о наличии прав и интересов лица, требующих защиты посредством назначения соответствующего возмещения. Суд также имеет наилучшие возможности оценить, каким должен быть размер соответствующего возмещения в конкретном деле. В силу ранее констатированного в решении у Конституционного суда нет оснований ставить под сомнение содержащиеся в заявлении Сената юридические соображения, то есть то, что оспариваемая норма не дает суду возможность обеспечить лицу гарантии справедливого суда и назначить соответствующее возмещение за необоснованное ущемление его основных прав.

Таким образом, законодатель, принимая оспариваемую норму, не исполнил в полной мере свою обязанность, вытекающую из статьи 92 Конституции, и это обстоятельство привело к нарушению упомянутой нормы Конституции.

13. Согласно части третьей статьи 32 Закона о Конституционном суде, норма, которую Конституционный суд признал не соответствующей правовой норме высшей юридической силы, считается недействительной со дня опубликования решения Конституционного суда, если Конституционный суд не постановил иное.

Конституционный суд считает, что нет основания для того, чтобы не соответствующей Конституции была признана вся оспариваемая норма. Включив в нее слова «деловой репутации, коммерческой тайне и авторским правам», законодатель, пусть и неполно, но выполнил свою обязанность. Однако содержащееся в оспариваемой норме слово «только» существенно сужает ее охват и приводит к тому, что перечень защищаемых нематериальных интересов становится не описательным, а исчерпывающим. Это лишает суд возможности обеспечить всеобъемлющую защиту ущемленных основных прав. Таким образом, статье 92 Конституции не соответствует содержащийся в оспариваемой норме неполный перечень подлежащих защите нематериальных интересов.

Согласно пункту 11 статьи 31 Закона о Конституционном суде, в случае, когда Конституционный суд признает какую-либо правовую норму не соответствующей правовой норме высшей юридической силы, суд должен определить момент, в который соответствующая норма утрачивает силу. Устанавливая конкретный момент, в который оспариваемая норма утрачивает силу, Конституционный суд оценивает, необходимо ли признание оспариваемой нормы утратившей силу обратным числом для защиты основных прав лица, затронутого по рассматриваемому административному делу, и существуют ли какие-либо соображения, по которым оспариваемую норму следует признать недействительной обратным числом только в отношении конкретного лица (*см. пункт 34 решения Конституционного суда от 21 декабря 2009 года по делу № 2009-43-01*).

Признание оспариваемой нормы недействительной с момента ее принятия в отношении заявителя по административному делу в настоящем случае является единственной возможностью защитить его основные права. Однако нельзя исключать вероятность, что еще какое-либо частное лицо для защиты своих ущемленных основных прав уже обратилось в административный суд. Поэтому оспариваемая норма также и в отношении всех лиц, начавших защиту своих ущемленных прав, недействительна с момента ее принятия.

Поскольку третье предложение статьи 92 Конституции предусматривает общую защиту прав лица от любого необоснованного ущемления, законодатель обязан изменить оспариваемую норму таким образом, чтобы она соответствовала правовым нормам высшей юридической силы.

Для того чтобы применение оспариваемой нормы до момента внесения в нее поправок и вступления в силу ее новой редакции не создавало ущемления основных прав, определенных в Конституции, учреждения государственного управления и суды должны применять эту норму в соответствии со статьей 92 Конституции, по аналогии распространяя на нее открытый перечень подлежащих защите нематериальных прав и интересов, который содержится в словах «или другим нематериальным правам или защищаемым законом интересам» части первой статьи 8 Закона о возмещении.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде
Конституционный суд

п о с т а н о в и л:

1. Признать слово «только» части второй статьи 8 Закона о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба не соответствующим статье 92 Конституции Латвийской Республики и недействительным со дня принятия этой нормы.

2. Определить, что часть вторая статьи 8 Закона о возмещении причиненного учреждениями государственного управления ущерба должна применяться с отнесением к ней по аналогии открытого перечня защищаемых нематериальных прав и интересов, содержащегося в словах «или другим нематериальным правам или защищаемым законом интересам» части первой той же статьи.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в день его опубликования.

Председатель судебного заседания

Г. Кутрис